

Акад. А. И. Тюменев

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ГРЕЧЕСКОГО НАРОДА

Очерк II¹. Следы первоначального распределения греческих племен в диалектах позднейшего времени и вопрос о языке надписей микенского времени

Наука о греческих диалектах существует свыше ста лет², и за это время ей удалось установить не только отличительные черты и особенности, характеризующие отдельные диалекты, но до известной степени наметить их историю, поскольку исследование диалектов позволяет выявить факты скрещения диалектов, наложения одних диалектов на другие и таким образом вскрыть следы первоначального их распределения. Вместе с этим мы получаем возможность проверить сведения античной традиции об этногенезе греческого народа и о распределении греческих диалектов в додорийскую эпоху.

Напомню вкратце, каково было, согласно данным античной традиции, первоначальное распределение греческих племен и какие перемены внесли в это распределение миграции XII в. Области северной и средней Греции — Фессалия и Беотия были заняты эолийскими племенами, в том числе фтиотийскими ахейцами. Ионийцы, помимо Аттики, занимали Мегариду, весь север и северо-восток Пелопоннеса, также область Кинурию на юго-восточном побережье к югу от Арголиды. Восточная часть полуострова — Арголίδα и Лаконика — занята была эолийским племенем — ахейцами; западные области — Мессения и Элида — другими эолийскими племенами. В Аркадии существовало еще догреческое пеласгическое население с сильной примесью ахейских и эолийских элементов. Ахейцы распространились на острова Феру, Мелос, на Крит, Родос, побережье Памфилии, на остров Кипр. Эолийское население Фессалии и Беотии подверглось нападению северо-западных племен беотийцев и фессалийцев. В Пелопоннесе Элида была занята эолийцами. Ахейцы, вытесненные дорийцами, направились через Аркадию на северное побережье Пелопоннеса, откуда вытеснили, в свою очередь, ионийцев, удалившихся в Аттику. Значительная часть ахейцев эмигрировала на восток в ахейские колонии в Памфилии, но глав-

¹ См. ВДИ, 1953, № 4, стр. 19 сл.

² Обзору греческих диалектов посвящены следующие обобщающие труды: I. Ahrens, De Graecae linguae dialectis, I—II, 1839—1843; R. Meister, Die griechischen Dialekte auf Grundlage von Ahrens Werk, I—II, 1883—1889; O. Hoffmann, Die griechischen Dialekte in ihrem historischen Zusammenhang, I—III, 1891, 1893, 1898; F. Bechtel, Die griechischen Dialekte, I—III, 1921, 1923, 1924; C. D. Buck, Introduction to the Study of Greek Dialects, 1928; A. Thumb, Handbuch der griechischen Dialekte, I—II, 1-е изд. — 1909, 2-е изд. — Thumb — Kieckers, I, 1932.

ным образом на Кипр, куда дорийцы не проникли. Ионийцы, занимавшие до того северо-восточный Пелопоннес — области Эпидавра и Трезена, были также частью вытеснены, частью доризированы так же, как ионийцы области Кинурии.

Проф. Георгиев, утверждавший, что население микенской Греции не было греческим и что греки впервые появляются на почве Греции лишь в результате миграций XII в., так уверенно говорил о том, что ахейцы не были греками, а их язык не был греческим, как будто ахейский язык (точнее, диалект) совершенно неизвестен. А между тем наукой о греческих диалектах уже давно установлен тот факт, что отличающийся специфическими особенностями аркадско-кипрский диалект представляет не что иное, как пережиточную форму ахейского языка¹. Факт этот является одним из наиболее твердо установленных и бесспорных положений науки о диалектах², и игнорировать его невозможно.

Аркадия, область, которая уже ранее должна была усвоить ахейский язык и в которой нашли прибежище многие беженцы из соседних Арголиды и Лаконики, сохранила, как это отмечал еще Страбон, вследствие изолированности свой древний диалект. То же следует сказать и относительно ахейцев, поселившихся на Кипре и также в чистоте сохранивших свой древний диалект. Только общностью происхождения первоначального языка можно объяснить то полное тождество, какое наблюдается между наречиями аркадским и кипрским — местностей, столь удаленных и изолированных одна от другой³.

Ряд характерных особенностей свойствен только аркадскому и кипрскому наречиям и не встречается ни в одном из других диалектов. Таковы, например, союз $\kappa\acute{\alpha}\zeta$ вместо $\kappa\alpha\iota^4$, предлоги $\iota\nu$ вместо $\epsilon\nu^5$, $\pi\acute{o}\zeta$ вместо $\pi\rho\acute{o}\varsigma^6$, местоимение $\sigma\acute{\iota}\varsigma$ вместо $\tau\acute{\iota}\varsigma^7$, $\delta\upsilon\nu$ вместо $\delta\delta\varsigma^8$; общи обоим диалектам окончание $-\alpha\nu$ в род. п. мужских имен, оканчивающихся на $-\alpha\varsigma$, например Καλλιζοῦ^9 , глагольные окончания среднего залога вместо $\tau\omicron$, $\nu\tau\omicron$, — $\tau\upsilon$, $\nu\tau\upsilon^{10}$. Помимо названных, в обоих диалектах имеется еще ряд других, менее существенных общих моментов. Особенно показателен факт сохранения в аркадском и кипрском диалектах слов, встречающихся

¹ Ср. T h u m b, 1909, стр. 269: «Der altachäische Dialekt lässt sich aus dem arkadischen und kyprischen erschliessen».

² Н o f f m a n n предпочитает прямо называть аркадско-кипрский диалект ахейским, посвятив ему два первые тома своей работы (первый том — южно-ахейскому, второй — североахейскому диалекту); ср. T h u m b, 1909, стр. 269; F. В e s c h t e l, I, стр. 313 сл.; В u c k, стр. 9: «The Arcado-Cyprian or Achaean Group»; A. M e i l l e t, Arcadie de la langue grecque², P., 1920, стр. 59. Н o f f m a n n, I, стр. 327—330, делает попытку реконструкции южноахейского диалекта в его отличии от ионийского и дорийского диалектов и дает указатель слов, употребительных в аркадском и кипрском диалектах и обычных также для эпохи (там же, стр. 276—292).

³ Ср. В u c k, стр. 6: «Никакие другие два диалекта, даже аттический и ионийский, не обнаруживают с большей очевидностью взаимную близость, как диалекты Аркадии и отдаленного Кипра». Специфические особенности, отличающие каждый из этих диалектов в отдельности, не существенны и не характерны (см. там же, §§ 189—200, стр. 132—134).

⁴ В u c k, § 134,3 (стр. 98); ср. § 189 (стр. 132); T h u m b, 1909, стр. 279 и 285; В e s c h t e l, I, стр. 378 (§ 122) и 437 (§ 80).

⁵ Как отдельно, так и в сложных словах, см. В u c k, § 10 (стр. 20), § 189 (стр. 132); T h u m b, 1909, стр. 266; В e s c h t e l, I, стр. 327 (§ 12) и 410 (§ 15). Внутри слов ϵ перед ν так же переходит в ι (В u c k, там же).

⁶ В u c k, § 135,6 (стр. 100) и § 189 (стр. 132); T h u m b, 1909, стр. 266; В e s c h t e l, I, стр. 381 (§ 130) и 440 (§ 90).

⁷ В u c k, § 68 (стр. 58) и § 189 (стр. 132); В e s c h t e l, I, стр. 327 (§ 12) и стр. 410—411 (§ 17).

⁸ В u c k, § 123 (стр. 93) и § 189; В e s c h t e l, I, стр. 358 (§ 79).

⁹ В u c k, § 22 (стр. 25), ср. § 189 (стр. 132).

¹⁰ В u c k, там же.

только в поэтическом, и прежде всего в гомеровском, языке, например $\alpha\dot{\iota}\sigma\alpha$, $\epsilon\upsilon\chi\omega\lambda\acute{\alpha}$. $\kappa\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\theta\omicron\varsigma$, $\Gamma\acute{\alpha}\nu\alpha\tilde{\iota}$, $\alpha\upsilon\tau\alpha\rho$ (Buck, § 191, стр. 132).

Язык ахейцев не выделялся в особый диалект, поскольку ахейцы признавались эолийским племенем (Страбон, см. очерк I, ВДИ, 1953, № 4). И действительно, эолийские диалекты и аркадско-кипрский диалект не только обнаруживают большое сходство между собой, но и отличаются такими сходными особенностями, которые никаким другим диалектам не свойственны¹. Вот эти особенности: 1) Замена гласной $\omicron$ гласной υ (произносимой как $\omicron$) — обычно в предлоге $\acute{\alpha}\pi\upsilon$ = $\acute{\alpha}\pi\omicron$, а также и в ряде других слов — $\delta\nu\omicron\mu\alpha$, $\acute{\alpha}\lambda\lambda\upsilon$ (вместо $\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron$), $\delta\rho\omicron\iota\omega\varsigma$, $\gamma\acute{\iota}\gamma\nu\omicron\nu\tau\alpha\iota$ и мн. др.² 2) Вместо α в предлоге $\delta\upsilon$, соответствующем $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}$, а также в словах $\delta\acute{\epsilon}\kappa\omicron\tau\omicron\varsigma$, $\eta\epsilon\kappa\omicron\tau\omicron\nu$ — ϵ^{ϵ} , причем в некоторых случаях это измененное $\omicron$, в свою очередь, склонно переходить в υ ($\acute{\alpha}\nu\acute{\epsilon}\theta\eta\rho\epsilon$ — $\delta\nu\acute{\epsilon}\theta\eta\rho\epsilon$ — Buck, § 22, стр. 25; особенно обычны переходы α в $\omicron$ перед или после ρ : $\sigma\rho\omicron\tau\acute{\alpha}\varsigma$ (στρατός), $\beta\rho\omicron\chi\upsilon\varsigma$, $\kappa\omicron\rho\delta\acute{\iota}\alpha$ (καρδία)⁴. 3) Для всех эолийских диалектов, в том числе для аркадского и кипрского, характерны архаические формы $\pi\acute{\tau}\omicron\lambda\iota\varsigma$, $\pi\acute{\tau}\omicron\lambda\epsilon\omicron\mu\omicron\varsigma$, известные у Гомера, но не встречающиеся в других диалектах, кроме эолийского⁵. 4) Аркадско-кипрское местоимение $\delta\upsilon\nu$ (= $\delta\acute{\omicron}\delta\epsilon$) (соответствует фессалийскому $\delta\acute{\nu}\epsilon$) (Buck, § 123, стр. 93). 5) Характерной как для аркадско-кипрского, так и вообще для эолийских диалектов представляется форма глаголов на $-\acute{\alpha}\omega$, $-\acute{\epsilon}\omega$, $-\acute{\omicron}\omega$, образующихся и спрягающихся по типу глаголов на $\mu\iota$: $\pi\omicron\iota\acute{\gamma}\mu\iota$ (ποιέω), $\kappa\acute{\alpha}\lambda\eta\mu\iota$ (καλέω), $\phi\acute{\iota}\lambda\epsilon\mu\iota$ (φιλέω)⁶. 6) Частица $\kappa\epsilon$, соответствующая дорийскому и ионийскому $\acute{\alpha}\nu$ ⁷. 7) Предлог $\pi\acute{\epsilon}\delta\acute{\alpha}$ вместо $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$ (Buck, § 135,8, стр. 99).

Если в Аркадии в большей или меньшей чистоте сохранился диалект дорийского (ахейского) населения, то остальные области Пелопоннеса были доризированы; однако и этот процесс не был вполне односторонним: почти во всех областях Пелопоннеса в позднейших дорийских диалектах сохранились характерные следы доридорических эолийско-ахейских диалектов. Особенно заметны были эти следы в Элиде, подпавшей господству этолийских завоевателей⁸. Так, несомненно эолийские формы представляют дат. п. мн. ч. на $-\epsilon\sigma\tau\iota$ и вин. п. мн. ч. на $-\omicron\iota\varsigma$ и $-\alpha\iota\varsigma$; к доридорическому диалекту восходит и применение слова $\pi\acute{\alpha}\tau\epsilon\varsigma$ вместо $\mu\acute{\iota}\omicron\iota\varsigma$ (πατέρις)

¹ T h u m b, § 225 (стр. 206); B u c k, стр. 6; B e c h t e l говорит об аркадском и кипрском диалектах в томе, посвященном эолийским диалектам.

² T h u m b, § 236,2 (стр. 220) (беотийский диалект), § 255,3 (стр. 255) (лесбосский диалект), 264,2 (стр. 272), (аркадский диалект), § 274,2 (стр. 289) (кипрский диалект); ср. B u c k, § 22 (стр. 25); B u c h t e l, I, стр. 317—318 (§§ 1—2) и 401 (§§ 1—2).

³ T h u m b, § 245,1 (стр. 237) (фесс.), 255,2 (стр. 255) (лесб.), § 264,1 b (стр. 272) (аркад.) § 272,1 b (стр. 289) (кипр.); B u c k, § 6 (стр. 18); B e c h t e l, I, стр. 24 (§ 15) (лесб.), 327 (§ 11) (аркад.), 409 (§ 13) (кипр.).

⁴ $\beta\rho\omicron\chi\upsilon\varsigma$ в беотийском, см. T h u m b, § 226b, 2 (стр. 208); в лесбосском, см. там же, § 255,2b (стр. 255); в кипрском $\kappa\omicron\rho\delta\acute{\iota}\alpha$, см. там же, § 274, 1b (стр. 289); ср. B u c k, § 5 (стр. 17—18); B e c h t e l, I, стр. 25 (§ 16) и 147 (§ 14).

⁵ T h u m b, § 245,15 (стр. 240) (фесс.) и § 274,12 (292) (кипр.); B e c h t e l, I, стр. 417 (§ 26); B u c k, § 67 (стр. 57); о перемене этой формы в Аркадии см. P a u s., VIII, 12,9.

⁶ T h u m b, § 237,10 (стр. 230) (беот.), § 246,10 (стр. 243—244) (фесс.), § 256,12a (стр. 263—264) (лесб.), 265,10 (стр. 276—277) (аркад.), § 275,8 (стр. 295) (кипр.); B u c k, § 157 (стр. 114); B e c h t e l, I, стр. 360—361 (§ 84) и 430 (§ 58).

⁷ T h u m b, § 247,3b (стр. 245) (фесс.), § 257,3b (стр. 266) (лесб.), § 266,2 (стр. 279) (аркад.), § 276,2 (стр. 297) (кипр.); B u c k, § 134,2 (стр. 98).

⁸ Наиболее значительны эти следы в Трифилии (южной части Элиды), население которой Страбон в очерке греческих диалектов (см. очерк I, ВДИ, 1953, № 4, стр. 26 сл.) причисляет непосредственно к аркадянам. Ср. H o f f m a n n, I, стр. 5; T h u m b, I², стр. 236—237.

в значении усыновления и ряд других особенностей диалекта Элиды, (Thumb, I², стр. 237).

В Лаконике характерны додорийские формы имен богов: Ποσειδών вместо дорийск. Ποσειδών и Ἄρτεμις рядом с дорийск. Ἄρταμις; встречается ряд эолийско-ахейских элементов и в отдельных словах и оборотах, например: πεδά вместо μετά, κάτ вместо κατά и πέρ вместо περί, καρβάτα вместо καταβάτα¹. Следует заметить, что следы додорийского диалекта в Лаконике могут быть отмечены лишь, поскольку они нашли себе отражение в надписях и литературных памятниках; диалект же илотов нам совершенно неизвестен.

Эолийско-ахейские элементы встречаются одинаково и в других диалектах Пелопоннеса — в Мессении², в Арголиде³. Меньше всего додорийских элементов сохранилось как раз в диалекте населения области, получившей название Ахайи⁴. Объясняется это, по всей вероятности, тем обстоятельством, что ахейцы не составляли здесь исконного населения страны, но относительно немногочисленную группу эмигрантов, быстро утративших свой прежний диалект, очутившись в окружении северо-западных племен. Насколько рано завершился этот процесс, видно из того, что никаких следов додорийских диалектов не сохранилось и в языке основанных ими в южной Италии колоний (VIII в.).

Прилежащие к Лаконике острова Мелос и Фера и далее на восток острова Крит, Родос, берега Памфилии еще в микенскую эпоху были колонизованы ахейцами, и, таким образом, и здесь дорийские завоеватели, помимо местного населения, также встречались с ахейцами. Вот почему и здесь в позднейших дорийских диалектах сохранились элементы ахейского диалекта, и притом в большем количестве, чем в диалектах Пелопоннеса; в отношении же Памфилии следует говорить уже собственно не о дорийском, но о смешанном диалекте, в который входили элементы дорийский, ахейский, также ионийский и эолийский, в результате позднейшей колонизации южного берега Малой Азии⁵. Факт такого ослабления влияния дорийского диалекта представляется вполне естественным, поскольку по мере продвижения на восток убывала и самая волна дорийского переселения.

Помимо ахейцев и эолийцев значительную часть Пелопоннеса занимали, согласно античной традиции, также ионийцы. И хотя ионийцы впоследствии либо удалились из Пелопоннеса, либо были доризированы, как это было в Кинурии, однако следы их предшествовавшего пребывания на полуострове сохранились в позднейших диалектах, и прежде всего в Кинурии, где, по свидетельству Геродота, они были автохтонами, оставались там после дорийского завоевания и лишь постепенно были доризированы. Поскольку Кинурия частично граничила с Аркадией и Арголидой, в позднейших диалектах обеих этих областей имеются следы ионийского диалекта. Так, в позднейшем аркадском диалекте встречается немало форм и оборотов, свойственных также ионийскому диалекту. При этом, если тож-

¹ Thumb, I², § 91 (стр. 82) и § 94,2—3 (стр. 89); F. Solmsen, Vordorisches in Lakonien, RhM, 62 (1907), стр. 329—338; Bechtel, II, стр. 317, 321—322, 330 сл., 340—341.

² Thumb, I², § 112 (стр. 104); ср. Buck, § 49, 2 (стр. 41).

³ Hoffmann, I, стр. 8; Thumb, I, § 120 (стр. 112); Bechtel, II, стр. 464—465.

⁴ Thumb, I², §§ 178—179 (стр. 228 сл.); Bechtel, II, стр. 867—888.

⁵ Мелос и Фера: Thumb, I², § 146 (стр. 172 сл.); ср. §§ 147,7; 148, 10; 14а, 15b; 149,8; Bechtel, II, стр. 531—532 (§ 14) и 546 (§ 68). Крит: Thumb, I², § 139 (стр. 146); Bechtel, II, стр. 701—702 (§ 26) и 767 (§ 178). Родос и др.: Thumb, I², § 152 (стр. 185), § 159 (стр. 195—196). Относительно Памфилии см. Thumb, 1909, § 279 (стр. 298).

дество аркадского диалекта с кипрским свидетельствует об общности предков двух ветвей когда-то единого племени, если общие черты этих диалектов с эолийским говорят о более отдаленном племенном родстве, то элементы, общие для аркадского и ионийского диалектов, не имеют такого же органического характера и являются следствием взаимного заимствования в результате длительного соседства и общения¹. Наиболее яркий пример параллелизма между аркадско-кипрским и ионийским диалектами представляет окончание неопределенного наклонения на *-vai* (специально ионийская форма), которому в лесбосском диалекте соответствует окончание *-μεναι*², например *τιθέναι* вместо *τιθέμεναι*, как в лесбийском³. Характерна также свойственная только аркадско-кипрскому и некоторым ионийским диалектам глагольная форма *βόλομαι* (= *βούλομαι*)⁴. Общим с ионийским в аркадском диалекте представляется далее употребление союза *εἰ* с сослагательным наклонением⁵. Только в Аркадии распространена чисто ионийская частица *ῥυ* вместо эолийской (в том числе и кипрской) *χε* и *κχ* дорийского и северо-западных диалектов⁶. Рядом с общей для аркадского и кипрского диалектов формой предлога *ὄν* вместо *ὄνχ* в Аркадии одновременно встречается и форма *ῥν* (сокращенная от *ὄνχ*). И в этом также следует видеть влияние ионийского диалекта⁷.

Следы пребывания ионийцев сохранились также и в позднейших диалектах областей Эпидавра и Трезена, значительно отличающихся от чисто дорийского диалекта Арголиды (в долине р. Инаха). Здесь мы встречаем, например, такие чисто ионийские формы, как *ἰερός* вместо *ἰαρός*, *ζημία* вместо *ζαμία*, *σ* вместо *τ* (например, в слове *διαχοσιῶν*), предлог *εἰς* вместо *ἐς*, окончание вин. п. мн. ч. на *-οος* вместо *-οος*⁸.

Там, где господство племен-завоевателей не выливалось в столь определенные и специально подчеркнутые политические формы, как в Спарте и в Мессении, там имело место не столько усвоение местным населением диалекта завоевателей, сколько взаимопроникновение и образование смешанных диалектов. Такой процесс мы отчасти наблюдали уже в Элиде. Еще более определенно выраженный смешанный характер диалектов находим мы в Беотии и в Фессалии, где основной эолийский диалект этих областей воспринял в себя более или менее значительные элементы диалекта племен-завоевателей — беотийцев и фессалийцев, факт, в свою очередь служащий подтверждением данных античной традиции о вторжении этих племен в области, занятые ранее эолийским населением. В Беотии

¹ Факт такого взаимного заимствования отмечает Thumb, 1909, §283 (стр. 304) и более обстоятельно Bechtel, I, стр. 374—375; ср. Buck, стр. 6—7.

² В северо-западных диалектах и, очевидно под их влиянием, в фессалийском и беотийском *-μεν*.

³ Thumb, 1909, § 265, 14b (стр. 278) (аркад.), § 275, 11 (стр. 296) (кипр.), § 312, 16 (стр. 358—359) (ион.); Bechtel, I, § 371 (стр. 108), 436 (§ 76); Buck, § 154, 1 (стр. 113); ср. § 190 (стр. 132).

⁴ Thumb, § 264, 5 (стр. 273) (аркад.), § 274, 4 (стр. 289) (кипр.), § 283 (стр. 304), § 312, 10a (стр. 357) (Эгерея, Ороп); Bechtel, I, стр. 361—362 (§ 85); ср. стр. 430—431 (§ 60); Buck, § 75b (стр. 61); ср. § 190, 2 (стр. 132).

⁵ Thumb, § 266, 3 (стр. 279); Buck, § 134 (стр. 98); Bechtel, I, стр. 373: «Den Besitz von εἰ haben die Arkader ausschliesslich mit den Joniern und Attikern gemein: eine neue bedeutsame Berührung zwischen den beiden Dialekten».

⁶ Thumb, § 263 (стр. 271), § 266 (стр. 279), § 283 (стр. 304); Buck, § 134, 2 (стр. 98) и § 193, 2 (стр. 133).

⁷ Bechtel, I, стр. 375; там же и другие примеры параллелей между аркадско-кипрским и ионийским диалектами. Ионийские элементы в аркадском диалекте отмечает также Kretschmer, Zur Geschichte der griechischen Dialekte, «Glotta», I (1909). Элементы ионийского диалекта ахейцы перенесли также на Мелос, Феру и другие острова, см. Thumb, I², § 146 (стр. 172) и § 147, 5, 13, 16 (стр. 174 сл.) (Мелос и Фера); относительно других островов см. там же, § 159 (стр. 146—147).

⁸ Thumb, § 119 (стр. 112); ср. Buck, § 251 (стр. 148).

в результате слияния двух диалектов образовался единый, общий для всей области диалект. В Фессалии, в зависимости от различной степени смешения диалектов, возник целый ряд местных говоров. Так, Фтиотида, куда прежде всего проникли и где в наибольшем числе осели фессалийцы, почти полностью усвоила их диалект, и потому диалект этой области относится к северо-западной группе. В остальной части области эолийский элемент оставался господствующим, восприняв лишь отдельные слова и словообразования из диалекта завоевателей, почему диалект Фессалии и рассматривается в основном как эолийский.

В бестийском диалекте усвоено от бестийцев употребление буквы τ вместо σ, например в слове *Ῥίκατι* (εἶκοσι), окончание -τι в глагольных формах *δίδωτι* (вместо -σι), члены *τοί, ται*; буква ξ в будущем времени глаголов на ζω. Но от эолийского диалекта сохранилась губная согласная π вместо зубной τ, например *πέτταρες*. окончание дат. п. мн. ч. на -εσσι, ἴος, ἴα в значении «один», «одна», предлог *πρός* вместо *μετά*, формы спряжения некоторых глаголов, патронимические обозначения с окончанием на -ιος вместо обычного указания имени отца в род. падеже, например *Ἀντιμάχιος* — сын Антимаха, *Ἰσμενίουχος* — сын Исмения¹.

В Фессалии общим для всех местных говоров было западногреческое τι вместо σι (*Ῥίκατι, κατίγυεις*), а также указанная особенность спряжения глаголов на ζω. Остальные заимствования из западных диалектов наблюдаются лишь в западных областях Фессалии².

В обзоре греческих диалектов Страбон специально отмечает продолжительное пребывание дорийцев в изоляции от остальных греческих племен, вследствие чего их диалект стал значительно отличаться от эолийского, который Страбон считает первоначально близким к дорийскому. Исследование дорийского диалекта показывает, что благодаря продолжительной изоляции дорийский язык сохранил наиболее архаические изначальные формы греческого языка. Долгое α в отличии от ионийской γ представляет общую черту с эолийским диалектом. Ряд других особенностей отличает дорийский диалект от всех остальных. Вот эти особенности: 1) Сохранение буквы τ, замененной в других диалектах буквой σ, например в членах мн. ч. *τοί, ται*, во втором лице ед. ч. *τω* вместо *σω*. 2) Склонение местоимения первого лица ед. ч. в род. п. *ἐμός* вместо *ἐμοῦ*, в дат. п. *ἐμίν* вместо *ἐμοί*. 3) Частица *κά* (эол. *κέ*, ион. *ἐν*). 4) Окончание неопределенного наклонения глаголов -μεν (эол. -μεναι, ион. -ναι). 5) Формы спряжения настоящего времени: 3 л. ед. ч. -τι (вм.-σι), 1 л. мн. ч. -μες (вместо -μεν), 3 л. мн. ч. -υτι (вм.-ουσι)³. Об изначальности этих форм свидетельствует их бóльшая близость к формам индоевропейских языков: местоимение 2 л. ед. ч. *τω* и глагольные окончания наст. вр. — *-τι, -μες, -υτι*, которым в латинском языке соответствуют *-t, -mus, -nt*⁴.

Таким образом, результаты сравнительного исследования греческих диалектов вполне подтверждают данные античной традиции как относительно первоначального распределения греческих племен в микенскую эпоху, так и относительно тех перемен, какие внесли в это распределение миграции XII в. Приведенный обзор греческих диалектов не содержит ни

¹ Thumb, § 235 (стр. 218—220), с ссылкой на специальные параграфы; Buck, § 203 (стр. 135), § 216 сл. (стр. 139); F. Solmsen, Eigennamen als Zeugen der Stammesmischung in Bóotien, RhM, 59 (1904), стр. 481—505.

² Thumb, § 243 (стр. 235—236); ср. Buck, §§ 201—202 (стр. 135), § 209 сл. (стр. 136—137); F. Solmsen, Thessalíotis und Pelasgiotis, RhM, 58 (1903), стр. 598—623.

³ Thumb, I², §§ 79—80 (стр. 70 сл.); ср. сводную диаграмму, там же, стр. 53; Buck, § 233 (стр. 141).

⁴ Ср. A. Meillet, ук. соч., стр. 69.

новых данных, ни каких-либо новых выводов и представляет не более как сводку давно установленных и хорошо известных и общепризнанных результатов исследования греческих диалектов. Результаты эти, как и данные античной традиции, несомненно хорошо известны проф. Георгиеву. Тем не менее, по крайней мере до последнего времени, он к сожалению не принимал их во внимание.

*

Имеется еще один вид источников, принадлежащих непосредственно крито-микенской эпохе, именно — многочисленные хозяйственные записи и документы, писанные на табличках. До недавнего времени такие таблички известны были лишь на Крите. На почве континентальной Греции, за исключением нескольких сосудов с нацарапанными на них краткими надписями, никаких других письменных памятников обнаружено не было. Но в 1939 г. Блеген и Куруниотис во время раскопок «дворца Нестора» близ мессенского Пилоса обнаружили до 600 табличек, составивших аналогичный критским архив хозяйственных документов¹. При продолжении раскопок в 1952 году было найдено еще дополнительно около 300 табличек (AJA, 57, 1953, стр. 63 и таблицы 36, 37). Единичные таблички были обнаружены и в следующем году (там же, 58, 1954, стр. 29—30). В самое последнее время при раскопках в Микенах в так называемом «доме торговца оливковым маслом» найдены были 38 табличек, писанных линейным письмом «В»². Понятно, какое исключительное значение для решения нашей проблемы должна иметь дешифровка этих надписей, и прежде всего языка, на котором они писаны (как и критские позднеминойского времени, они писаны линейным письмом «В»)³.

В течение пятидесяти лет со времени открытия первых критских табличек делались неоднократные попытки дешифровки критского письма, однако долгое время никаких положительных результатов все эти попытки не давали⁴. Главную трудность составляло то обстоятельство, что исследователям приходилось иметь дело с двумя неизвестными, поскольку

¹ C. W. Blegen — K. Kourowniotis, Excavations at Pylos, 1939, AJA, 1939, 4, стр. 557—576; ср. ILN, 1939, № 5224.

² A. J. V. Waese, Mycenae, 1952, JHS, LXXIII (1953), стр. 134; он же, The Discovery of Inscribed Clay Tablets of Mycenae, «Antiquity», 108, 1, 1953, июнь, стр. 84—86; см. также «Archaeology», 6 (1953), стр. 75—81 и E. L. Bennett, The Mycenaean Tablets, «Proceedings of the American Philosophical Society», 1953, стр. 422—470.

³ В настоящее время полностью опубликованы документы как кносского, так и пилосского архивов: A. Evans, Scripta Minoa, т. I, Oxf., 1909; т. II, edited from the notes and supplemented by J. L. Myres, Oxf., 1952; E. L. Bennett, The Pylos Tablets, a preliminary transcription, Princeton, 1951.

⁴ Обзор этих попыток см. в статье С. Я. Лурье «Догреческие надписи Крита», ВДИ, 1947, № 4, стр. 70 сл., но там не названы издания надписей системы письма «А»: Charoutier, Les écritures minoennes au palais de Mallia, P., 1930; G. P. Sarragatelli, Le iscrizioni prehellene di Hagia Triada in Creta e della Grecia peninsulare, «Monumenti antichi», XI (1945), стр. 422—602. Помимо непосредственных попыток дешифровки ряд статей посвящен был частным вопросам, касающимся выяснения общего характера критского письма и языка. Каррателли пытался показать тождество языка систем письма «А» и «В» и континентальной Греции (стр. 500—529). Вопросу о соотношении письма кносского и пилосского архивов посвящены были статьи: Sundwall («Forschungen und Fortschritte», 1939, стр. 293), Merigg («Die Antike», 1941, стр. 170—176); сравнению систем «А» и «В» — брошюра К. Ktistopoulos, Some Remarks on the Minoan Language, Athens, 1947. Выяснению строения мийной системы языка (его флексий и суффиксов) посвящены были статьи А. Кобер в AJA, XLVII (1944), 1, стр. 64—75; XLIX (1945), 3, стр. 143 сл.; L (1946), стр. 268—275. Частных вопросов касались статьи: Sundwall, Methodische Bemerkungen zur Entzifferung minoischer Schriftdenkmäler, «Eranos», 1940, стр. 3 сл. и он же, Phonetic Values of Minoan Script B, AJA, LII (1948), 2, стр. 311—320.

не были известны ни язык, ни письмо критских документов. Не далее как в 1948 г. Алиса Кюбер¹, давая обзор состояния изучения критского письма, приходила к малоутешительному выводу: «Сорок лет попыток дешифровать минойское письмо путем построения догадок относительно того или другого (языка или письма) или относительно обоих доказали бесполезность этих занятий. Минойское письмо не может быть дешифровано, так как мы не знаем даже, существовал ли минойский язык. Мы имеем шесть систем минойского письма» (стр. 102). Поскольку обе системы критского письма («А» и «В»), при сходстве многих знаков, все же значительно различаются между собой, Кюбер высказала предположение, что также различны были и соответствующие языки (стр. 101). В то же время, с ее точки зрения, факт происхождения письма философских документов от минойского письма «В» не говорит еще в пользу тождества языков в обоих случаях. В сороковых годах было сделано еще несколько попыток чтения минойских надписей, но и они имели не более успеха, нежели аналогичные попытки предшествовавшего времени. Попытка дешифровки, предпринятая Б. Грозным, претендовала на полное прочтение всех минойских надписей, изданных до настоящего времени². Однако уже самый метод, принятый Грозным для расшифровки минойского письма путем чтения отдельных знаков по аналогии со сходными знаками самых различных систем письма, не мог привести к положительным результатам. Предложенная Грозным дешифровка минойского письма не получила признания³. Проф. Вл. Георгиев в 1949 г. также считал, что попытки дешифровки минойского письма находятся еще в подготовительной стадии (Arch. Or., XVII, 1, 1949, стр. 275).

Попытки частичной дешифровки отдельных знаков минойского письма предприняты были в ряде брошюр Ктистопулоса⁴, в которых автор путем сопоставления со знаками кипрского силлабария, с египетскими иероглифами, буквами финикийского и греческого алфавитов пытался определить фонетическое значение отдельных знаков минойского письма, используя также этногеографические названия и имена мифологических героев. Однако и попытки дешифровки Ктистопулоса далеко не свободны от весьма сомнительных толкований.

Проф. Вл. Георгиев избрал более осторожный путь, нежели Б. Грозный. В отличие от последнего, Вл. Георгиев кладет в основу своей дешифровки почти исключительно сопоставление со знаками кипрского силлабария, допуская пользование комбинаторным способом лишь в исключительных случаях⁵. В более поздней статье на русском языке Вл. Геор-

¹ A. W. K o b e r, The Minoan Scripts : Fact and Theory, AJA, LII (1948), стр. 82—103.

² F. H r o z n ý, Kretas und Vorgriechenlands Inschriften. Geschichte und Kultur. Entzifferungsversuch, I, «Archivum Orientale Pragense», 1943, № 1—2, стр. 1—117; он же, Les inscriptions crétoises, II: essai de déchiffrement, Arch. Or., XV (1946), 3—4, стр. 158—302; он же, Liste des signes crétoises, de leurs valeurs d'après notre déchiffrement, Arch.Or., XVI (1949), стр. 164—184; он же, Les inscriptions crétoises, Praha, 1949.

³ См. рецензии на работы Грозного: AJA, L (1946), 4, стр. 494—495 (Кюбер); AJA, LII (1948), 1, стр. 104—106 (Майрса); AJA, LIV (1950), 1, стр. 81—82 (Беннетта). Более благоприятную оценку работы Грозного дает С. Я. Л у р ь е (в названной статье), однако и в его статье делается ряд оговорок, сводящих на нет благоприятный вначале отзыв.

⁴ K. K t i s t o p o u l o s, A Contribution to the Problem of the Minoan Script, Athens, 1945; он же, Πρότατα παρατηρήσεις επί επιγραφών τῆς Πύλου, Ἀθήναι, 1951; он же, Recherches sur les mots minoennes, Athènes, 1952.

⁵ V. G e o r g i e v, Le déchiffrement des inscriptions minoennes, «Годишник на Софийския университет», Ист.-фил. фак., XLV (1949); он же, История эгейского мира во II тысячелетии до н. э. в свете минойских надписей, ВДИ, 1950, № 4, стр. 49—57; он же, Проблемы минойского языка, София, 1953.

гиев допускает также использование знаков иероглифического хеттского письма и финикийского алфавита, как возникшего под перекрестным влиянием переднеазиатских и минойской систем. Осторожность проф. Георгиева идет еще далее: фонетическое значение минойских знаков он признает твердо установленным лишь при соблюдении ряда условий, между прочим условия, чтобы фонетическое значение было идентично во всех названных системах письма (ВДИ, 1950, 4, стр. 51—52). Следуя этому методу, Вл. Георгиев ограничивает свою задачу интерпретацией только тех минойских знаков, которые поддаются дешифровке при помощи кипрского силлабария («Le déchiffrement...», стр. 6). В результате, по признанию самого проф. Георгиева, им расшифровано было около 50 знаков, из них 37 с правильным или очень вероятным значением¹ и 16 знаков гипотетических (там же, стр. 42). При помощи этого ограниченного числа знаков проф. Георгиев читал лишь отдельные слова, в большинстве имена людей и богов, а также названия различных местностей.

Результаты уже первой работы проф. Георгиева по дешифровке минойского письма оказались совершенно неожиданными и находящимися в решительном противоречии с основными положениями его собственной гипотезы о том, что носители крито-микенской культуры не были греками, поскольку прочитанные им слова, притом как в надписях континентальной Греции, так и критских документов, оказывались определенно греческими не только по своему звучанию, но и по своим грамматическим формам (склонению и спряжению). Сопоставляя минойские слова, имена лиц, названия местностей со словами и корнями греческого языка, Вл. Георгиев в то же время и сам склонен был уже в этой первой своей работе по дешифровке минойского письма допустить, что минойские надписи составлялись на греческом или на близком греческому языке. «Вопрос заключается в том, — говорит он, — сводятся ли минойские надписи к греческому языку. Вопрос не может еще быть окончательно разрешен. А priori не исключено, что эти тексты частично были написаны на греческом языке» («Le déchiffrement...», стр. 12—13).

В работе «Проблемы минойского языка» Вл. Георгиев, продолжая свои попытки дешифровки минойского письма, еще более утверждает в выводе относительно сходства минойского языка с греческим². Собственные выводы Георгиева, таким образом, как видим, противоречат его гипотезе относительно позднего появления греков в эгейской области. Чтобы, тем не менее, оправдать свою гипотезу, Георгиев высказывает предположение о наличии в греческом языке особого субстрата из индоевропейского, хотя и сходного с греческим, но все же догреческого, языка. «Догреческий язык, — говорит он, — принадлежит к группе эгейско-малоазийских индоевропейских языков, к которым причисляются иероглифический «хеттский», лувийский, клинописный хеттский и палайский; лидийский, лидийский и карийский — более поздние диалекты упомянутой группы... Догреческий язык оказал большое влияние на греческий. Следовательно, минойский язык очень похож на греческий не только потому, что оба языка принадлежат к индоевропейской группе и засвидетельствованы еще в глубокой древности, но особенно в связи с тем, что греческий язык, по причине оказанного на него влияния, значительно приблизился к догреческому. Итак, многие слова, имена собственные в особенности, а также и флективные элементы в обоих языках очень

¹ «Le déchiffrement...», стр. 40; в ВДИ, 1950, № 4, стр. 54, указаны 44 знака.

² Следует заметить, что в своей последней работе Георгиев вынужден был отказаться от многих из своих, казалось бы, наиболее показательных дешифровок (стр. 13). Многие из его сопоставлений, например сопоставление слова, читаемого им как *tê-vá*, со славянским «дева», представляются крайне сомнительными.

сходны и даже идентичны... Несомненно, что в греческом языке скрывается под формой субстрата какой-то другой индоевропейский язык. На этом языке говорило критское население по крайней мере в первой половине II тысячелетия, а также население континентальной Греции и островов по крайней мере вплоть до начала II тысячелетия. Для этого-то языка и была создана минойская письменность» (стр. 14—15).

Для решения стоящей перед нами проблемы этногенеза греческого народа существенное значение имеет, однако, не вопрос об этнической принадлежности населения Крита, а вопрос об этнической принадлежности населения континентальной Греции микенской эпохи. Уже давно были известны происходившие из различных мест Греции сосуды и другие предметы с посвятельными надписями, писанными минойским письмом (из Орхомена, Фив, Элевсина, Микен, Тиринфа). В последнее время, как уже указывалось, открыт был обширный архив табличек, происходивший из древнего Пилоса, а также аналогичные таблички из Микен. То обстоятельство, что все эти как посвятельные надписи, так и архивные таблички писаны минойским письмом, заставляло предполагать, что они составлены были на минойском, а не на греческом языке. Еще совсем недавно С. Я. Лурье в рецензии на первые опыты дешифровки минойского письма Грозного полагал даже, что последнему «с несомненностью» удалось доказать это (ВДИ, 1947, № 4, стр. 87). Не все исследователи, однако, разделяли это предположение. В обзоре положения изучения минойского письма, написанном в то же время (АЖА, ЛП, стр. 99), Кюбер считала вопрос о том, был ли язык надписей Крита и греческого континента один и тот же, отнюдь не решенным. С другой стороны, она допускала возможность, что не все найденные на греческом континенте надписи составлены на одном и том же языке; если часть их могла быть написана на минойском языке, то многие другие вряд ли могут быть прочтены при помощи этого языка (АЖА, Л, стр. 495).

Теперь, когда Вл. Георгиев пришел к выводу, что даже критские надписи составлены на языке, близком к греческому, он сам допускает возможность, что таблички пилосского архива писаны на греческом языке. В заключение рассмотрения одной пилосской надписи он так определяет результаты своего анализа: «Из всего вышесказанного можно заключить следующее: минойский язык или, по крайней мере, его пелопоннесский (пилосский) диалект очень сходен с аркадо-кипрским греческим диалектом. В этом случае вполне естественно задать вопрос: не написаны ли микенские надписи из Пилоса на аркадо-кипрском диалекте? Такой вопрос уместен: надписи из Пилоса датируются XIII или XII в. до н. э., а в это время присутствие греков на Пелопоннесе уже вполне возможно. С другой стороны, аркадо-кипрский греческий диалект является именно додорийским»¹. В дальнейшем, однако, находя в этой надписи многочисленные «негреческие формы», он приходит все же к конечному выводу, что «гораздо вероятнее, что эти надписи написаны на догреческом индоевропейском языке, каковым является минойский»².

Дальнейшие работы Ктистопулоса в области дешифровки минойского письма³ привели его к совершенно аналогичным выводам. Расшифровав несколько групп знаков, он устанавливает ряд слов, по своему звучанию близких к греческому языку.

По аналогичному пути пошел и английский исследователь Вентрис. Отказавшись от попыток сближения минойского языка с этрусским,

¹ Вл. Георгиев, Проблемы минойского языка, стр. 80.

² Там же.

³ С. D. Ktistopoulos, Recherches sur les mots minoannes, Athènes, 1952.

чему были посвящены его предшествовавшие работы, Вентрис¹ (в сотрудничестве с Чадвиком) продолжал свои исследования, исходя уже из возможного тождества языка письма «В», на котором были составлены пилосские документы, с греческим языком.

Отправляясь не от кипрского силлабария, который он сближал с критским линейным письмом «А» и в котором видел собственно минойское письмо, но идя иным путем, Вентрис подобно Георгиеву пришел к заключению, что язык пилосских табличек был греческим, однако, в признании этого факта он пошел далее проф. Георгиева. Вентрис определенно признает язык пилосских табличек чисто греческим, притом очень близким к аркадо-кипрскому диалекту и к языку гомеровских поэм (за исключением, конечно, позднейших ионизмов²). Мало того. Самое линейное письмо «В» Вентрис выделяет, как специально греческое, как приспособление минойского письма «А» к особенностям греческого языка, причем распространение этого письма на Крите позднминойского времени связывает с фактом проникновения на Крит в это время микенских греков.

Признавая дешифровку Вентриса удачной, Фурумарк предполагает, что письмо «В» возникло на континенте в результате переработки и приспособления к греческому языку минойского письма «А» еще в эпоху шахтных гробниц (около 1600 г.)³. Такая дата представляется, однако, слишком ранней.

В статье Доу о минойском письме⁴, автор, солидаризируясь с результатами исследования Вентриса — Чадвика, намечает возможный путь развития письма «В», причем приходит к выводу, что письмо «В» возникло и развилось на Крите в Кносе во время господства в этом городе греков во второй половине XV в. и отсюда затем распространилось на греческий континент. В то же время он устанавливает, что числовая система, относительно мало развитая на минойском Крите, получила дальнейшее развитие в греческом письме «В».

Наконец, уже после сдачи в набор настоящей статьи, в августе 1954 г. вышла в свет новая работа проф. Георгиева под названием «Современное состояние истолкования критомикенских надписей» в которой он полностью признает, что пилосские таблички написаны на греческом языке. Таким образом, гипотеза проф. Вл. Георгиева о позднейшем проникновении греков на юг Балканского полуострова окончательно отпадает.

¹ M. Ventris and J. Chadwick, Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives, JHS LXXIII (1953), стр. 84—103; J. Chadwick and M. Ventris, Greek Records in the Minoan Script, «Antiquity», № 108, 1953, стр. 196—206; M. Ventris, King Nestor's Four-Handled Cups. Greek Inventories in the Minoan Script, «Archaeology», 1954, № 1, стр. 153.

² Некоторые незначительные отступления от аркадо-кипрского диалекта объясняются, быть может, тем обстоятельством, что Мессения, как было показано в предыдущей статье автора (ВДИ, 1953, № 4), была занята не ахейской ветвью эолийского племени, а непосредственно северными эолийцами. Отца Нестора Нелея предание, как известно, признает эолийцем.

³ A. Furumark, Ägäische Texte in Griechischer Sprache, «Eranos», LI (1953), fasc. 3—4; LII (1954), fasc. 1—2.

⁴ S. Dow, Minoan Writing, AJA, 58 (1954), 2, стр. 77—129.